

Глава XI. Геррильерос в Южной Америке

Остановка в Нью-Йорке была короткой — лишь для того, чтобы пересечь на пароход, плывший на Кубу. Но не этот Антильский остров был пунктом назначения Аскасо и Дуррути, а Аргентина. Однако, ступив на сушу, они решили остаться на несколько дней в Гаване. Рикардо Санс достал им адрес одного испанца, проживавшего в той столице, фанатика анархистских идей. Речь шла о Х. А. Он был молодым, как и они, однако из-за чрезмерной щепетильности, не разделял идей о применении насилия — и, иными словами, был анархистом-эволюционистом. Х. А. по-братски принял Дуррути и Аскасо и предоставил свой дом в их распоряжение, но вскоре между ними начались споры в отношении методов. Х. А., как и другие испанские анархисты на Кубе, считал, что деятельность анархистов сводилась к образованию, и что любое другое действие для сокращения перехода к либертарному обществу было безрезультатным, в силу недостаточного культурного уровня бедных слоёв населения. Нищета и отчаяние, царившие в стране среди простых работников, могли спровоцировать взрывы народного гнева, но не более того, так как не хватало теоретической зрелости. «Самое важное в таких условиях», — говорил он Дуррути и Аскасо, — это пропаганда, распространение анархистских идей, проникновение этих идей в умы рабочих. «Ваш проект, — продолжал он, — обречён на провал. Испанские и кубинские рабочие, несмотря на их нищету, с удовольствием отдадут вам несколько песо, и ничего более. Не ждите чего-либо ещё. А если вы задумаете взяться за общественную агитацию, то, скорее всего, вас выдворят из страны, или посадят в тюрьму, а на Кубе очень трудно будет выйти на волю, разве только ногами вперёд»¹⁸⁹.

На Кубе, в ту пору правил Херардо Мачадо; — тиран, ничем не отличавшийся от себе подобных, который удерживал власть благодаря насаждаемому террору. На первый взгляд, Куба казалась в каком-то роде процветающей страной. Так лучше скрывалось господство капитала янки, — как на селе, так и в городе. Но достаточно было зайти в таверны и рабочие кварталы, чтобы убедиться в моральной и материальной нищете. Проституция была повсеместной и, более того, поощрялась самим режимом. «Пропаганда — необходимая деятельность, — говорили Аскасо и Дуррути, — но если теория не идёт бок о бок с практикой, то это мёртвая буква. Более того, именно в силу огромного числа неграмотных, к которым и направлена эта пропаганда. К тому же, если пропаганда не имеет поддержки со стороны организации, печатные издания оказываются беззащитными перед беззаконием: их закрывают, уничтожают, а издателей заключают в тюрьму». Пессимистичные настроения кубинских анархистов, — по крайней мере тех, с кем беседовали Дуррути и Аскасо, — не оставили следов в их сердцах. Почему Куба должна была отличаться от Аргентины, Уругвая, Чили или Мексики? Кроме того, кубинский народ ранее мужественно боролся за свободу против испанского колониализма и победил. Потом попал в зависимость от доллара? Это не исключало первого, а, напротив, необходимо было доказать, что невозможно бороться лишь

за так называемую политическую независимость, — надо было также распространить борьбу на экономическую сферу. И что независимость такого рода не могла быть достигнута политическими средствами, предлагаемыми буржуазией. Декolonизация не решила ни одной проблемы, так как оставались нетронутыми экономические структуры и круги власть имущих. Никакая теория, кроме анархизма, не была более подходящей для разоблачения ошибочного выбора решений либеральной буржуазии и одновременно указывала на более простые пути, ведущие к истинному освобождению человека. Однако эти критические идеи анархизма, утверждали Дуррути и Аскасо-, не могут оставаться лишь в тесном кругу их сторонников. Напротив, их необходимо вынести к широким массам, вести энергичную пропаганду, проникать в среду людей труда как на селе, так и в городе: то, что написано в книгах, должно превращаться в практические действия. Так как Аскасо и Дуррути были более расположены к практическим действиям, чем к теории, они нанялись на причалах портовыми рабочими для разгрузочных работ, а также для того, чтобы иметь возможность общения, жизни с трудовым людом в тавернах, лачугах, служивших им домами. Вскоре оба испанца вошли в доверие к своим товарищам по работе. Особенно это удалось Дуррути, благодаря его сильной фигуре и готовности помочь слабым. От каждодневного труда и жизни с простыми рабочими, они перешли к доверительным рассказам об унижениях и нищете, о разочарованиях в тех деятелях, агитирующих на борьбу и потом оставляющих их на полпути. Фатализм существования партий обрекал их на вечный тяжкий труд, в ожидании смертного часа, который избавлял от всех страданий судьбы, — такими были заключения всех бесед. Суеверие и фатализм были главными препятствиями в любой попытке разъяснить рабочим способы и выходы из той моральной и материальной нищеты. Когда речь заходила об организации, профсоюзах, объединении, неотвратимо появлялось воспоминание о каком-либо лидере или лидерах, предавших рабочих, или же о мрачных картинах заключения в тюрьму в наручниках: («оттуда не выйти никому, разве только мертвецам»).

Тем не менее ни Аскасо, ни Дуррути не разделяли пессимистических настроений и всякий раз принимались заново убеждать своих товарищей по работе, что их утверждения о руководителях и заключении в тюрьму верны, но именно поэтому, чтобы не стать ещё раз жертвой обмана, они не должны ни верить свои судьбы профессионалам от политики, ни бунтовать в одиночку. Когда во главе какого-либо профсоюза стоит «профессионал», он предаёт их интересы, а когда рабочий протестует в одиночку, его сажают в тюрьму или избивают до смерти. Выход в том, чтобы профсоюз организовали они сами и были этой организацией, не принимая незнакомых лиц в её ряды незнакомых лиц, — тех, кто сам не испытал на себе тяжесть эксплуатации человека человеком. Кроме того, нужно восставать не в одиночку, а всем вместе. «Если профсоюзом являетесь вы сами, — объясняли Дуррути и Аскасо, — и все вы живёте постоянно начеку, удаляя из ваших рядов тех, кто незаметно пытается навязать вам своё лидерство, то вы таким образом избежите создания самой фигуры лидера. Если вы будете действовать сообща, провозглашая и требуя ваши права, у диктатора Мачадо не хватит ни полицейских агентов, чтобы избить всех, ни тюрем, чтобы засадить всех туда». Постепенно, разъясняли всё простым языком, действуя просто и ясно, донося такие идеи до людей: «Ваша свобода станет реальной в тот момент, когда вы сможете сами вести свою борьбу, без руководителей ни лидеров». Мысли об организации проникали в сердца портовых рабочих и материализовались в самостоятельное объединение. Для более эффективной работы организовали федерацию с другими рабочими

организациями такого же типа, уже существующими среди работников табачной и пищевой промышленности. На собраниях и ассамблеях портовых рабочих Дуррути проявил свои агитаторские таланты. Простые, но энергичные и сокрушительные фразы, речи, более похожие на удары топора, чем на ораторские приёмы, с первого момента пробуждали интерес слушателей и поддерживали глубокую связь с аудиторией. Его имя становилось всё известнее, однако, к несчастью, не только в среде простых людей, но и полицейских служб. Опасность ареста казалась неизбежной, и поскольку ни он, ни Аскасо не желали попасть в руки полиции, то было принято решение исчезнуть из Гаваны, в сопровождении одного кубинского парня, вызвавшегося послужить им проводником в провинциях острова. Выехав за пределы Гаваны и прибыв в район Санта-Клары, они нанялись на уборку сахарного тростника в поместье, расположенном между Крусе и Пальмирой. Спустя несколько дней их работы рубщиками тростника, на этой усадьбе началась забастовка рабочих. Причина была в том, что владелец плантаций под предлогом понижения цен на сахар снизил заработок рубщиков. В знак протеста рабочие объявили забастовку. Об этом оповестили хозяина, и он приказал собрать всех рабочих перед господским домом. Надсмотрщики верхом на лошадях объявили работникам о приказе. Хозяин выступил перед бастующими и упрекнул их в том, что идут на поводу у типов, хорошо ему знакомых, — зачинщиков и руководителей бунта. Приказчики привели якобы организаторов забастовки в ближайший полицейский участок той сельской местности. Через час, сельские жандармы доставили едва живых от побоев рубщиков тростника, и те упали у ног своих товарищей.

«Ещё кто-нибудь желает протестовать? — выкрикнул помещик. А кроме того, — добавил он, — то время, что вы потеряли, будет вычтено из вашего заработка. Всем быстро! Работать!» Приказы раздавались, как удары хлыста. С поникшими головами, батраки побрели вглубь плантации, за ними шёл полицейский. Дуррути и Аскасо находились среди удручённых батраков. Рубя тростник, они поделились впечатлениями с кубинским другом, и все трое пришли к одному выводу: необходимо было проучить господина — владельца плантации, — и заодно предупредить его коллег. На следующий день, утром, нашли хозяина, заколотого насмерть, и с запиской «Правосудие “Странников”». Сельская полиция (“руралес”), узнав о случившемся, организовала преследование «вершителей правосудия», но те, встав ещё до рассвета, уже прибыли в провинцию Камагуэй. Новость о расправе распространилась с быстротой молнии, и одновременно слухи добавляли больше деталей. Так, говорили, что «банда испанцев под названием “Странники” казнила полудюжину плантаторов, плохо обращавшихся со своими работниками». Для “руралес” было делом чести схватить «убийц». Они воображали, что казнь на виду у всех, послужит хорошим уроком возможным последователям их примеру.

В процессе поиска раздавали удары направо и налево. И под предлогом укрывательства и помощи «Странникам» со стороны некоторых крестьян, избивали подозреваемых и поджигали их хижины.

“Руралес” сходили с ума от бешенства видя, что их попытки схватить виновников безрезультатны. Эта злость возросла ещё больше, когда стало известно о том, что в районе Холькин нашли мёртвым одного приказчика-храбреца с запиской: «Это убийство — дело рук “Странников”». Новое покушение вконец запутало полицию и до смерти напугало помещиков, которые засели в своих дворцах-усадебках, повсюду видя угрозу своей

жизни»¹⁹⁰. Пока «Странников» разыскивали в провинциях острова, им удалось добраться до Гаваны, с тем чтобы как можно быстрее вырваться из этого опасного окружения. Как они сумели обвести вокруг пальца полицию Мачадо, нам известно из рассказа одного свидетеля: «Видя, что уже невозможно оставаться на Кубе, они решили отправиться в Мексику. С этой целью арендовали маленькую моторную лодку для прогулки по морскому побережью, но, выплыв в залив, потребовали хозяев лодки доставить их к рыболовным судам, готовившимся к выходу в море. Испугавшись, хозяева лодки подплыли к одному из кораблей. Дуррути и Аскасо, забравшись на него, заставили владельца поднять якоря, взяв на борт двоих лодочников. Выйдя в открытое море, с пистолетом в руке, потребовали от рыболова взять курс на Мексику. Так доплыли до берега Юкатана, где и высадились, щедро вознаградив кубинских моряков.

Высадка оказалась непростым делом. Двое или трое сотрудников налоговой службы заметили их прибытие. Им показалось, что речь идёт о контрабандистах, и они решили отвести их в порт Прогресо для сдачи властям. По дороге Дуррути предложил им деньги в обмен на свободу (...). Предложенная сумма заинтересовала налоговых агентов более, чем выяснение того, были ли задержанные контрабандистами или нет. Пользуясь подсказкой самих агентов, наши друзья прибыли в Мериду, а оттуда — в Прогресо, где сели на корабль курсом на Веракрус»¹⁹¹. По прибытии в Веракрус, в порту их встретил один мексиканский анархист по имени Миньо, из чего можно сделать вывод, что Дуррути, либо Аскасо ранее написали в Мексику, предупреждая о приезде в Веракрус. Миньо сопровождал их в столицу Мексики, а после — к Рафаэлю Кинтеро, одному из руководителей мексиканской НКТ, который принимал прямое участие в революции с Эмилиано Сапатай. В то время Рафаэль Кинтеро был владельцем типографии, на площади Миралье, 13, и там он предоставил друзьям временное убежище¹⁹². Через несколько дней, Кинтеро отвёл их в НКТ, которая в то время располагалась на площади Вискаинас, 3. Тем вечером на собрании обсуждались экономические трудности печатного издания НКТ. Не говоря ни слова, «Странники» сделали взнос размером в сорок песо, для нужд газеты¹⁹³. Это собрание омрачило настроение двух «Странников», — и не только из-за скудных средств, но также ввиду недостатка динамизма в среде самой анархо-синдикалистской организации. Было видно, что товарищи жили за счёт мексиканской революции, но от последней оставались лишь воспоминания. Лучшие революционеры погибли, а выжившие приспособились к новой ситуации: некоторые из них использовали своё славное прошлое перед «новой революционной властью». И власти, со своей стороны, вознаграждали их назначением на бюрократические посты. Таким образом, например, некоторые бывшие анархисты служили губернаторами. Казалось, все адаптируются к новым условиям. Только друзья Флореса Магона, скончавшегося три года назад в одной из тюрем янки, действительно сохраняли дух анархизма, не забыв идеологический принцип Магона: «революция не идёт в ногу с законом, настоящая революция, как правило, вне закона», как писал он сам в своих работах, изданных уже после его смерти¹⁹⁴. Очевидно, что те, которых постоянно преследовали, и были этими последователями Магона... Именно среди таких людей Дуррути и Аскасо нашли приют и поддержку. Пребывание в доме Рафаэля Кинтеро продлилось несколько недель, — в ожидании Алехандро Аскасо и Грегорио Ховера, прибывших в столицу Мексики в конце марта 1925 года. Когда все четверо были в сборе, то приняли решение выехать за пределы столицы. Кинтеро предложил обосноваться на маленькой ферме в Тикомане. Владелец фермы, Роман Дельгадо, принял четырёх анархистов и представил их местной анархистской

группе, среди членов которой были Николас Берналь, уже упомянутый Дельгадо, Эрминия Кортес и другие¹⁹⁵.

В апреле 1925 года произошло нападение на прядильную фабрику «Ла Каролина». С того момента, свидетельства проконсультированных нами лиц совпадают и говорят о факте передачи денег на финансирование публикаций НКТ и основание Рационалистской школы, на манер тех, которые организовал в Испании Франсиско Феррер и Гуардия в 1901 году. «Прошло несколько недель, и о них — ни слуха, ни духа. Вдруг появляются в элегантных костюмах, на авто марки “Бьюик”, немного подержанном. Дуррути спросил: “Опубликовали газету?” Ему сказали: “Да.” Тогда он попросил вышедшие номера. “Всё ещё есть трудности с деньгами?” — “А ты думаешь, нет?” Ответом Дуррути была большая сумма денег. Но тут Дуррути заметил подозрительные взгляды; и, чтобы свести на нет сомнения среди мексиканских товарищей, показал им письмо Себастьяна Фора, которое носил при себе в кармане, где говорилось о вручении значительной суммы на нужды общественной библиотеки»¹⁹⁶. Ещё один свидетель рассказывает об этих временах: «Сюрприз — так начинался рассказ товарища С. В., о бурной жизни Дуррути. — Он пригласил меня обедать в ресторан, и при этом попросил облачиться в мой самый лучший костюм, потому что мы шли в один из главных портовых ресторанов. Я отказался не из-за щепетильности, а из неприятия ко всему тому, что не соответствовало моему образу жизни и идеям активиста. Но он настаивал и объяснил, что ему необходимо поговорить со мной; что не мог пригласить меня в скромное заведение, так как прибыл в Тампико в образе богача. Я принял приглашение, заинтригованный, и должен сказать: “Почему бы и нет?” — из-за любопытства и желания отведать блюда, вкус которых почти забыл. Уже за десертом, Дуррути сказал мне: “Что вы думаете о возможности располагать тысячами и тысячами песо для сотни школ, по образцу основанных Профсоюзом нефтяников?”

“Мигель, это неосуществимая мечта” — ответил я. (Под именем Мигель Дуррути жил в Мексике.)

“Это не будет просто мечтой: может быть, мне удастся вручить вашей организации сто тысяч песо”.

Дуррути по-настоящему любил детей и поэтому рисковал жизнью, отнимая деньги у банков, чтобы содействовать росту культуры.

Расставаясь, он мне сказал:

“Давай, парень. Я знаю: вы — настоящие мужчины, и пойдёте на всё ради ваших идей. Смотри, мы — «Странники» — работаем бесшумно, рискуем жизнью, чтобы служить нашим идеалам. У вас всё по-другому: вы боретесь с государством в рамках закона; а мы атакуем его или бросаем ему вызов за пределами закона»¹⁹⁷.

Ещё одно свидетельство, — более конкретное, — в связи с нападением на контору фабрики «Ла Каролина», напечатано в журнале Ruta («Путь») из Венесуэлы, номер 38: «Старые мексиканские друзья всё ещё вспоминают пребывание Дуррути в столице ацтеков, и в основном по двум причинам: во-первых, Дуррути был одним из пламенных агитаторов

мексиканской НКТ, руководимой в те времена Хасинто Уитроном, Рафаэлем Кинтеро и горсткой других мексиканских либертариев; во-вторых, он смог завоевать их симпатии благодаря своей естественной скромности и подлинной приверженности идеалам». Автор статей, Виктор Гарсия, рассказывает о трудностях, с которыми сталкивалась НКТ в процессе организации рационалистической школы. Он пишет:

“У Дуррути был дар чувствовать проблемы, много раз благодаря интуиции. Он почувствовал подавленное состояние этих товарищей, настоящих энтузиастов, и попросил в личной беседе с членами Совета НКТ разрешения на поиски выхода из трудной ситуации. На вопрос: каким образом? ответил, что скажет попозже. Через два дня Дуррути вручает значительную сумму денег Комиссии по делам школы со словами: “Эти песо я отнял у буржуазии... Было бы нелогичным думать, что они отдали бы мне их просто так, по моей просьбе”. На следующий день, огромные заголовки газет в мексиканской столице сообщали о нападении на фабрику “Ла Каролина”. Приводились точные цифры украденных денег. Это была та сумма, — ни больше ни меньше, — которую передал Дуррути за день до того друзьям Рационалистической школы»¹⁹⁸.

Естественно, когда деньги добываются таким способом, как это делали «Странники», не всегда всё получалось гладко. В нападении на «Ла Каролина», кассир взял телефонную трубку, чтобы позвонить в полицию. Завязалась борьба, в потасовке раздался выстрел, и служащий погиб. Дело усложнялось, так как уже было совершено несколько нападений — одни удачные, другие нет, — поэтому «Странники» приняли решение покинуть Мексику как можно быстрее, и не из-за опасений полицейских облав: их проводили в бедных кварталах, в то время как Дуррути, по профессии — “владелец горных разработок из Перу под фамилией «Мендоса», и Аскасо — его сопровождающий — поселились в роскошном отеле.» В один прекрасный день, налегке, с поддельными паспортами и почти пустыми карманами они покинули гостиничный номер, оставляя для Мендосы оплату счёта; удаляясь от Мексики, чтобы вернуться на Кубу»¹⁹⁹.

Май месяц 1925 года... положение для четырёх испанцев было не из лёгких, по рассказам Атанасии Рохас: «Они были вынуждены продать целый ряд вещей, среди которых был и автомобиль, чтобы купить билеты до Кубы». На Кубе не могло быть безопасно, ввиду их предыдущей деятельности, поэтому они оставались на острове только самое необходимое время, чтобы совершить нападение на Банко де Комерсио в Гаване и немедленно отплыть с билетом на пароходе «Оропеса и Орьяна» по направлению к Вальпараисо, (Чили), где должны были встретиться с Виктором Рекобой и Антонио Родригесом. Эта встреча не состоялась из-за отсутствия последних в Чили. Здесь следы двух героев теряются...

На корабле из Гаваны в Вальпараисо также путешествовал некий жокей, француз по национальности. Познакомившись с ними, принял их за испанцев, ехавших в Чили по делам. Мы упоминаем об этом персонаже, потому что он был первым осведомителем чилийской полиции, после событий, о которых позднее пойдёт речь. 9 июня 1925 года «Орьяна» прибыла в Вальпараисо, а 16 числа следующего месяца происходит нападение на филиал

Банко де Чиле в Матадерос. Пройдём по следам Дуррути и Аскасо, согласно полицейской сводке: «Были заняты на различных работах до самого дня нападения на банк, и после этого, то есть, с 16 июля до первых чисел августа, продолжали работать. Более того, хозяйка маленькой гостиницы, где они остановились, дала показания полиции: это были пять воспитанных мужчин, постоянно говорили о социальной борьбе и называли самих себя испанскими революционерами; путешествовали по странам Америки в поисках средств для финансирования борьбы против испанской монархии»²⁰⁰.

Ограбление филиала Банко де Чиле в Матадерос произошло 16 июля 1925 года, и было похищено, по данным чилийской полиции, 46. 923 чилийских песо.

“ «Неизвестные, — рассказывает полицейская сводка,— после кражи денег скрылись в автомобиле на большой скорости, с выстрелами в воздух, создавая панику в этом многолюдном месте. Один из служащих банка смог привстать, когда автомобиль трогался. Один нападавший кричит ему лечь на пол, но служащий не подчиняется. Тогда одним выстрелом его заставили присесть».

Дуррути, Аскасо и его брат Алехандро, а также Грегорио Ховер некоторое время пробыли в Чили. Пятый же из них сразу же после нападения, отплыл в Испанию. Кто был этот пятый? Антонио Родригес. На самом деле, это был никто иной как «Эль Тото», или Грегорио Мартинес. 47. 000 чилийских песо были полностью использованы на подпольную борьбу с диктатурой Примо де Риверы. В начале августа 1925, года «Странники» отплыли в Буэнос-Айрес. В этом месте необходимо сделать небольшое отступление в нашем повествовании, с тем чтобы кратко описать общую ситуацию и борьбу рабочих движений, в частности анархизма, в Аргентине.

Версия #2

Зверобой создал 13 июля 2025 00:04:11

Зверобой обновил 6 августа 2025 08:58:51